

3. Вперед без оглядки

В то время как в высших эшелонах власти один за другим разворачивались эпизоды борьбы сторонников и противников нэпа, рана все глубже и глубже погружалась в экономический кризис, который усугублялся непоследовательными мерами, в которых отражалось «брожение» в руководстве и отсутствие четко определенной политической линии. Показатели сельского хозяйства 1928/29 г. были катастрофическими. Несмотря на целый репрессивных мер по отношению не только к зажиточным крестьянам, но и в основном к середнякам (штрафы и тюремное заключение в случае отказа продавать продукцию государству по закупочным ценам в три раза меньшим, чем рыночные), зимой 1928/29 г. страна получила хлеба меньше, чем год назад. Обстановка в деревне стала крайне напряженной: печать отметила около тысячи случаев «применения насилия» по отношению к «официальным лицам». поголовье скота уменьшилось. В феврале 1929 г. в городах снова появились продовольственные карточки, отмененные после окончания гражданской войны. Дефицит продуктов питания стал всеобщим, когда власти закрыли большинство частных лавок и кустарных мастерских, квалифицированных как «капиталистические предприятия». Повышение стоимости сельскохозяйственных продуктов привело к общему повышению цен, что отразилось на покупательной способности населения, занятого в производстве. В глазах большинства руководителей, и в первую очередь Сталина, сельское хозяйство несло ответственность за экономические трудности еще и потому, что в промышленности показатели роста были вполне удовлетворительными. Однако внимательное изучение статистических данных показывает, что все качественные характеристики: производительность труда, себестоимость, качество продукции — шли по нисходящей. Этот настораживающий феномен свидетельствовал о том, что процесс индустриализации сопровождался невероятной растратой человеческих и материальных ресурсов. Это привело к падению уровня жизни, непредвиденной нехватке рабочей силы и разбалансированию бюджета в сторону расходов.

Видимое отставание сельского хозяйства от промышленности позволило Сталину объявить аграрный сектор главным и единственным виновником кризиса. Эту идею он, в частности, развил на пленуме ЦК в апреле 1929 г. Сельское хозяйство необходимо было полностью реорганизовать, чтобы оно достигло темпов роста индустриального сектора. По мысли Сталина, преобразования должны были быть более радикальными, чем те, что предусматривал пятилетний план, утвержденный XVI партконференцией, а затем и съездом Советов (апрель — май 1929 г.). При всей своей смелости — вариант ВСНХ предполагал увеличить капиталовложения в четыре раза по сравнению с периодом 1924—1928 гг., добиться за пять лет роста промышленного производства на 135%, а национального дохода на 82%, что и привело к его окончательной победе над более скромным вариантом Госплана, — пятилетний план все же основывался на сохранении преобладающего частного сектора, сосуществующего с ограниченным, но высокопроизводительным сектором государственным и коллективным. Его авторы рассчитывали на развитие спонтанного кооперативного движения и на систему договоров между кооперативами и крестьянскими товариществами. Наконец, план предполагал, что к 1933—1934 гг. примерно 20% крестьянских хозяйств объединятся в товарищества по совместной обработке земли, в которых обобществление коснется исключительно обрабатываемых земель, обслуживаемых «тракторными колоннами», без отмены частной собственности и без коллективного владения скотом. Постепенная и ограниченная коллективизация должна была строиться на исключительно добровольном принципе, с учетом реальных возможностей государства поставлять технику и специалистов.

По мнению Сталина, критическое положение на сельскохозяйственном фронте, приведшее к провалу последней хлебозаготовительной кампании, было вызвано действиями кулаков и других враждебных сил, стремящихся к «подрыву советского строя». Выбор был прост: «или деревенские капиталисты, или колхозы». Речь теперь шла не о выполнении плана, а о беге наперегонки со временем.

Только что принятый план подвергся многочисленным корректировкам в сторону повышения, особенно в области коллективизации. Вначале предполагалось обобществить к концу пятилетки 5 млн. крестьянских хозяйств. В июне Колхозцентр объявил о необходимости коллективизации 8 млн. хозяйств только за один 1930 г. и половины крестьянского населения к 1933 г. В августе Микоян заговорил уже о 10 млн., а в сентябре была поставлена цель обобществить *а* том же 1930 г. 13 млн. хозяйств. В декабре эта цифра выросла до 30 млн.

Такое раздувание показателей плана свидетельствовало не только о победе сталинской линии. Оно питалось иллюзией изменения положения вещей в деревне: тот факт, что начиная с зимы 1928 г. сотни тысяч бедняков под воздействием призывов и обещаний объединились в ТОЗы, чтобы при поддержке государства ; хоть как-то повысить свое благосостояние, в глазах большинства руководителей свидетельствовал об «обострении классовых противоречий» в деревне и о «неумолимой поступи коллективизации». 200 «колхозов-гигантов» и «агропромышленных комплексов», каждый площадью 5—10 тыс. га, становились теперь «бастионами социализма». В июне 1929 г. печать сообщила о начале нового этапа — «массовой коллективизации». Все парторганизации были брошены властями на выполнение двойной задачи: заготовительной кампании и коллективизации. Все сельские коммунисты под угрозой дисциплинарных мер должны были показать пример и вступить в колхозы. Центральный орган управления коллективными хозяйствами — Колхозцентр — получил дополнительные полномочия. Органы сельхозкооперации, владельцы немногочисленной техники, обязывались предоставлять машины только колхозам. Мобилизация охватила профсоюзы и комсомол: десятки тысяч рабочих и студентов были отправлены в деревню в сопровождении партийных «активистов» и сотрудников ПТУ. В этих условиях насильственная заготовительная кампания приняла характер реквизиции, еще ярче выраженный, чем во время двух предыдущих. Осенью 1929 г. рыночные механизмы были окончательно сломаны. Несмотря на средний урожай, государство получило более 1 млн. пудов зерна, то есть на 60% больше, чем в предыдущие годы. По окончании ; кампании сконцентрированные в деревне огромные силы (около 150 тыс. человек) должны были приступить к коллективизации. За лето доля крестьянских хозяйств, объединившихся в ТОЗы (в подавляющем большинстве это были бедняки), составила в от-1 дельных районах Северного Кавказа, Среднего и Нижнего Поволжья от 12 до 18% общего числа. С июня по октябрь коллективизация затронула, таким образом, 1 млн. крестьянских хозяйств.

Вдохновленные этими результатами, центральные власти всячески побуждали местные парторганизации соревноваться в рвении и устанавливать рекорды коллективизации. По решению наиболее ретивых партийных организаций несколько десятков районов страны объявили себя «районами сплошной коллективизации». Это означало, что они принимали на себя обязательство в кратчайшие сроки обобществить 50% (и более) крестьянских хозяйств. Давление на крестьян усиливалось, а в центр шли потоки триумфальных и нарочито оптимистических отчетов. 31 октября «Правда» призвала к неограниченной «массовой коллективизации». Неделю спустя в связи с 12-й годовщиной Октябрьской революции Сталин опубликовал свою статью «Великий перелом», основанную на в корне ошибочном мнении, что «середняк повернулся лицом к колхозам». Не без оговорок ноябрьский (1929 г.) пленум ЦК партии принял сталинский постулат о коренном изменении отношения крестьянства к коллективным хозяйствам и одобрил нереальный план роста промышленности и ускоренной коллективизации. Это был конец нэпа.